

Викентий Вересаев

Степан Сергеич

Викентий Викентьевич Вересаев

Степан Сергеич

Серия «Невыдуманнные рассказы о прошлом»

Аннотация

«Сутулый человек с большой головою. Серая кожа на лице висит крупными морщинистыми складками. Но ему нет еще сорока лет. Он был профессор и даже неглупый человек. Имел ряд научных работ по истории Византии. Его монография о византийском историке Никите Хониате была подробно реферирована в немецком историческом журнале. Но изумительно было в нем полное молчание голосов тела, глубокое отмирание инстинктов. В обычной городской жизни это не так замечалось, но, когда приходилось видеть его среди природы, жутко становилось за человека, и возникал вопрос: если не спохватиться вовремя, не обратится ли и вообще человек будущего в подобную уродину? Само тело ничего ему не говорило. Все он должен был узнавать от других людей, от термометра, барометра и прочих инструментов...»

Викентий Вересаев

Степан Сергеич

(Пунктирный портрет)

Сутулый человек с большой головою. Серая кожа на лице висит крупными морщинистыми складками. Но ему нет еще сорока лет. Он был профессор и даже неглупый человек. Имел ряд научных работ по истории Византии. Его монография о византийском историке Никите Хониате была подробно реферирована в немецком историческом журнале. Но изумительно было в нем полное молчание голосов тела, глубокое отмирание инстинктов. В обычной городской жизни это не так замечалось, но, когда приходилось видеть его среди природы, жутко становилось за человека, и возникал вопрос: если не спохватиться вовремя, не обратится ли и вообще человек будущего в подобную уродину? Само тело ничего ему не говорило. Все он должен был узнавать от других людей, от термометра, барометра и прочих инструментов.

Проснется ночью и не знает – выспался или нет. Как будто выспался, пора вставать. Посмотрел на часы, – всего шесть часов утра. Заснул опять. А часы, оказывается, остановились. Спал до одиннадцати часов.

Карманные часы остановились, стенные сломались. А де-

ло было на даче. Трагедия: не знает, когда лечь спать, когда вставать, когда есть.

За обедом на третье подали сырники. Степан Сергеич ел. Дочка Таня сказала:

– Из манной крупы.

Степан Сергеич нахмурился и отодвинул тарелку. Пришла жена Елизавета Алексеевна, на минуту уходившая в кухню. Он сказал хмуро:

– Лиза! Ведь ты знаешь, что я терпеть не могу манной каши. Зачем же ты заказываешь сырники из нее?

Елизавета Алексеевна изумилась:

– Как из нее? Из творога сырники.

Степан Сергеич прикусил губу. Верно. Из творога. И с аппетитом стал есть.

– Что я – пил кофе или только хотел пить?

– Не пил.

Выпил два стакана с бутербродами. Жена и свояченица расхохотались. Свояченица воскликнула:

– Ведь вы пили уже!

Степан Сергеич потемнел и враждебно взглянул на жену.

– Какие глупые шутки!

Весь день ходил хмурый, с тяжестью в желудке.

Двенадцать лет назад, во время свадебной поездки по Германии и Швейцарии. Выйдет из отеля купить папирос, – а

через пять часов шуцман приводит его из загородного леса, куда забрел, сам не знает как: заблудился. Совершенно лишен способности к ориентировке.

До 15 мая ходит в зимней одежде, после пятнадцатого – в летней, и ее уж не снимает, как бы ни было холодно.

В жилетных карманах – часы, шагомер, на террасе дачи – термометр и гигрометр, в столовой – барометр. Вышел на террасу, смотрит на термометр.

– Стоит надевать пальто?

– Да разве ты так не чувствуешь?

– Четырнадцать с половиной – не стоит.

Посмотрел на термометр. Было 12 градусов. Тогда он почувствовал, что ему холодно.

– Степа, ты с нами пойдешь гулять?

– (Сердито.) Куда же идти, если барометр упал до семисот сорока. Удивляюсь, что ты идешь да еще детей берешь с собой.

Стояла ласковая, томящая теплынь. Получилась чудесная прогулка. Он, конечно, остался дома. Дождь пошел только утром.

Не замечает, что молоко прокисло, что мясо несвежее. Простудился, лихорадит, колет в боку.

Свояченица:

– Ведь сквозняк, что вы тут сидите!

Он с жалкой, беспомощной улыбкой:

– Я этого ничего не чувствую.

Начало июля. На даче. В столовую вошел Степан Сергеич с лицом темным, как чугун. Стоял нахмуренный, сердитый и тяжелым взглядом следил за женой. Она штопала чулки Танюшки и не видела его взгляда. В открытое окно подул ветерок и принес запах цветущей липы. Елизавета Алексеевна сказала:

– А, уж липы зацвели!

Степан Сергеич раздраженно отозвался:

– Что липы зацвели, это, конечно, хорошо. А вот что у нас опять кошки по всем комнатам нагадили, – это черт знает что такое! Не продохнешь от вони!

Елизавета Алексеевна удивилась.

– Где тут кошками пахнет? Я ничего не чувствую.

– Ну конечно! А я, во всяком случае, чувствую совершенно ясно. И требую категорически, – Лиза, слышишь? Я требую, чтобы никаких своих Пушков и Снежков ребята в комнаты не таскали! В воскресенье Димка весь день возился в столовой с кошками... Скажи Матрене, пусть сейчас же придет с тряпкою и подотрет.

Степан Сергеич ходил с Матреною по комнатам и искал, где нагадила кошка. Матрена заглядывала под диваны, ото-

двигала шкафы и посмеивалась под нос.

– Господь с вами, барин, какие тут кошки! Дух – лучше и быть нельзя!

– Вы тут все так принюхались ко всякой вони, что даже уже не слышите ничего!.. Танюшка, Димка, пойдите сюда! Если еще раз в комнатах я увижу кошку, то всех ваших Пушкинчиков и Снежков велю забросить в реку!.. Слышите? Запомните это!

Елизавета Алексеевна, с упрямыми и грустными глазами, сидела в столовой у стола и не помогала искать. Это особенно сердило Степана Сергеича, и он неумоимо двигал сундуки, комоды и шкафы. Однако ничего не нашли. Матрена, скрывая улыбку, ушла с тряпкою в кухню. Степан Сергеич позвал детей и еще раз строго подтвердил, чтобы не пускали кошек в комнаты.

После обеда Елизавета Алексеевна лежала в спальне; у нее болела голова. В дверь заглянул Степан Сергеич.

– Ты не спишь?

– Нет.

Он вошел, сел к ней на край постели. На лице была сконфуженная, детская улыбка, и от нее светилось все его серое лицо.

– Вот, Лизанька, грязная история!.. С кошками-то! Оказывается, это вовсе не кошки нагадили, а знаешь что?... Я сейчас только сообразил: это... липы зацвели!

– Что?! – Елизавета Алексеевна, хоть была сердита, вско-

чила на постели и расхохоталась. – Ты шутишь?

Пристыженное лицо Степана Сергеича дрожало смеющимися морщинками.

– В том-то и дело, что нет! Понимаешь, какая штука. Был я еще мальчиком, жили мы на даче под Калугой. Мама меня посылала набирать липовый цвет, и потом мы его сушили на газетных листах на чердаке нашей дачи. А кошек там была гибель, постоянно так ими пахло, что не продохнешь. Вот оба эти запаха у меня и смешались, и я их уж не могу разъединить. После обеда сегодня вышел на террасу, – что такое? Опять кошками несет! Откуда? Из саду-то! Принюхиваюсь, – смотрю, молодая липка у террасы вся в цвету. И тут я вдруг сообразил. Вот, Лизанька, какая история уродливая!

– Д-да-а...

– Рассказать, – никто не поверит! Ты уж прости меня.

Елизавета Алексеевна безнадежно смеялась.